

ПРАВО АВТОРА

Что нам Гекуба? Евгений Добренко – о персональном измерении политики

Евгений Добренко

16 сентября 2026

Из трех тем, обсуждать которые публично не принято, – доходы, религия и политические взгляды человека, – мне всегда было понятно, в чем проблема с первой. Как вынесение на публику финансовых проблем, так и наоборот, демонстрация богатства разрушают баланс в общении, вызывая либо зависть, или жалость – сильные чувства, мало способствующие здоровым отношениям. Также несложно понять, почему табуированной темой является религия: личные религиозные убеждения не просто сугубо интимны, они не подлежат обсуждению в принципе, поскольку для верующего человека вера не является предметом дискуссии, а вторжение в эту деликатную сферу ведет лишь к нарушению личных границ и разрушает продуктивную коммуникацию. Но что не так с политическими взглядами?

О политике спорят. Причем споры эти, как правило, настолько темпераментны и страстны, что почти всегда заканчиваются переходом на личности, а то и

агрессией. В чем тут дело? Разве политика, в отличие от доходов и веры, не находится всецело вне сферы нашего контроля? Разве наше участие в ней через выборы не ограничено тем, совпадают ли наши взгляды со взглядами большинства? Потому что, если нет, наш голос не имеет никакого значения. В чем тогда дело? Почему политика стала камнем преткновения, разрушителем самых крепких человеческих связей – кровных и семейных уз, многолетних привязанностей и дружб, даже вполне счастливых браков.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Двадцатый век-лайт. Евгений Добренко – об историческом оптимизме

Первый круг внутрисемейных конфликтов начался во время пандемии, когда разразились споры о том, выполнять или нет карантинные предписания, затем началось массовое антиваксерное помешательство, сопровождавшееся нарастающей конспирологией и фрустрацией от массовых смертей, страха за близких, дефицита информации, противоречивых указаний и действий властей и врачей. При видимости общественного консенсуса относительно необходимости соблюдения общих правил в экстремальных условиях эти конфликты, как правило, не выходили за пределы семейного круга, не считая отдельных открытых выступлений против предпринимаемых властями карантинных и прививочных мер.

Начало российско-украинской войны фактически еще на ковидной волне спровоцировало резкое расширение внутрисемейных конфликтов. Оно было главным образом поколенческим и имело крымскую предысторию, тлевшую в течение пресловутых восьми лет. Причем разломы между теми, кто за и против войны, шли по множеству линий: между хардлайнерами, пораженными многолетней государственной пропагандой, скармливавшей населению совершенно невероятные истории о распятых мальчиках; теми, кто считал, что "не все так однозначно"; теми, кто стоял на позиции "лояльности флагу", полагая, что "это моя страна, права она или нет, я должен быть на ее стороне"; теми, кто верил аргументам об "упреждающем ударе" и борьбе с НАТО; теми, для кого главными были этнические аргументы о "защите русских"; теми, кто верил в мантру об "одном народе"; теми, кто повелся на кремлевский нарратив о "нацистской хунте в Киеве" и "денацификации"; теми, кто просто считает, что "наш президент знает, что делает"... Весь этот пестрый хор сторонников имперской, необоснованной и бездарно ведущейся войны расколол множество семей, расстроил множество дружб, разорвал отношения, которые сохранялись на протяжении целых

поколений. Сегодня трудно найти хотя бы одного человека, который не разругался бы либо с родителями, либо с дедушками-бабушками, либо с братьями-сестрами, либо с ближайшими друзьями, даже с женами-мужьями на почве несоответствия взглядов на этот счет.

Затем случилась атака на Израиль со стороны ХАМАС, и накал страстей вырос экспоненциально. Пропалестинские выступления по всему миру быстро переросли в антиизраильские и открыто антисемитские. Эти сантименты наполнили ожесточением жизнь университетских кампусов. Ожесточенная антиизраильская риторика быстро смела шаткие плотины политкорректности, сделав антисемитизм почти приемлемым в публичном дискурсе. Соответственно усилилась и реакция на слом прежних табу. Политическая жизнь превратилась в холодную гражданскую войну, грозящую параличом и демонтажом институтов либеральной демократии, приметы чего уже появляются в разных странах Запада. На это наложился фактор Трампа.

Итак, по мере того, как современный мир спускался по стирали к той точке, в которой он сейчас оказался – ковидная пандемия, карантин и вакцинация; развязанная Россией война в Украине; война на Ближнем Востоке – от Израиля и Газы до Ливана и Ирана, избрание Трампа и т. п. – происходили важные социальные процессы, которые остаются плохо осмысленными. Если политические последствия этих катаклизмов более или менее очевидны, то социальные, а они куда более глубоки и долговременны, нами почти не осознаются или осознаются как некие досадные и печальные эксцессы скорее личного характера, чем социального: "мой дед подсел на телепропаганду и повторяет все, что там говорят", "мои предки совсем свихнулись, поддерживая войну", "мой брат несет какой-то милитаристский бред", "мой школьный друг совсем помешался на антисемитизме" и т.д. и т.п. Таких историй не перечесать.

А ведь это не просто "поругались" или "не сошлись во мнениях". Дело часто доходит до разрыва отношений, до распада семей и депрессии (а в ряде случаев и до насилия со смертельным исходом). Речь идет о тяжелых, и нередко непоправимых разрывах социальной ткани. Особенно тяжелы они для либерально-демократических обществ, основанных не просто на взаимодействии, но на доверии. Вот почему, кстати, либеральная демократия, основанная на инклюзивности, несовместима ни с правым, ни с левым радикализмом. Ее золотой век приходится на эпоху умеренной политики. Поэтому те, кто видят нормальность в торжестве либеральной демократии, должны работать для возвращения такой политики.

Неужели ваша семья может распасться из-за политической принадлежности Крыма? Из-за того, что на карте он будет изображаться тем же цветом, что и Россия, а не Украина? Из-за того, что над крымским парламентом будет реять не *жовто-блакитний прапор*, а российский триколор? Не распадается же ваша семья от того, что над северным Кипром реет перелицованный турецкий флаг, а не флаг Кипра? Неужели брат бросает брату дикие оскорбления только потому, что в Газе якобы голодают дети, когда почти полтора десятилетия голодали дети Сирии, и братьев это совсем не беспокоило? Неужели мать разорвет отношения с дочерью из-за того, что та не поддерживает Путина – как будто ей не все равно, кто протарабанит новогоднее приветствие? Поставленные здесь вопросы звучат дико. Но я не старался сделать их такими нелепыми – они таковы, потому что мать, жена, брат, школьная подруга разрывают отношения не из-за того, что флаг не тот, где-то кто-то голодает или лидер нравится-не нравится. Видеть в этом причины конфликтов и разрывов – значит не видеть за деревьями леса. Это политика. И ругаются люди не из-за нее, а из-за того, что за ней стоит.

На протяжении многих десятилетий образцом революционного политического сознания служила для советских людей "Гренада" Михаила Светлова. Герой этого стихотворения отдает свою жизнь за высокий идеал:

Я хату покинул, пошел воевать,

Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.

Такое случается только тогда, когда судьба крестьян в Гренаде вам почему-то не просто близка, но интимно важна. Если политика не занимает вас лично, вы не станете ею интересоваться, не говоря уже о том, чтобы идти за нее воевать и отдавать жизнь.

**“ Современное
российское общество
характеризуется
цинизмом, основанным на
глубоком недоверии к
социальным институтам,
официальным лозунгам и
мотивам окружающих
людей**

Но не идеологии выбирают нас. Мы выбираем их. Принимая формы нашего психологического профиля, рационализируя симптомы наших травм, идеологии упаковывают их в нарративы, оформляют дискурсивно и создают эмоциональную ауру, в которой наши политические взгляды, мораль, ценности, интересы, склонности комфортно совпадают с особенностями нашего психологического склада. Вне этого идеологического оформления мы не можем проявить себя социально. В этом смысле

идеологии подобны языку, без которого мы не в состоянии оформить мысль.

Повторю: идеология так же относится к психологии, как мышление к речи. По сути, идеологии (то, что люди привычно называют словом "политика") есть не что иное, как формы сублимации нашего социально-психологического профиля/типажа. Наши психологические особенности находят в той или иной картине мира (идеологии) наибольшее соответствие. Личный и социальный факторы работают здесь во взаимодействии. И оперативные формы нашего взаимодействия с миром находят свое отражение в наших политических взглядах (включая, разумеется, тех, кто "политикой не интересуется"; надо ли говорить, что это тоже совершенно политическая позиция?).

Современный мир вступил в эпоху политической поляризации. Поляризация ведет к радикализации. Радикализация, в свою очередь, резко упрощает картину мира. Такое упрощение, в свою очередь, является предпосылкой схематизации политических взглядов. И чем они схематичнее и абстрактнее, тем сложнее их отстаивать и аргументировать, тем менее рациональным и, соответственно, более эмоциональным становится процесс социального взаимодействия. Но как язык оформляет мысль, так политические взгляды представляют собой рационализацию психологической основы личности.

После восьми десятилетий либерализации и полевения современный мир переживает расцвет правых идеологий самого крайнего толка. Включая такие пещерные, которые основаны на социальном дарвинизме, столь откровенно и цинично проповедуемом с экранов президентом России, вдруг забывшим собственную трескотню о половцах, печенеггах и денацификации засевших в Киеве неонацистов и прямо сравнившим войну в Украине с "пищевой цепочкой". Таким образом он оправдал неравенство стран и народов (во всех его исторических проявлениях, от дикого капитализма до колониализма и расизма), заменив международное право правом сильного, утверждая, что выживают сильнейшие, хотя последние восемь десятилетий беспрецедентного мира и процветания показали, что основой социального прогресса является не естественный отбор в социуме и не слепая внутривидовая борьба, а как раз кооперация, взаимопомощь и культурное многообразие.

Однако в стране, население которой отравлено многолетней оголтелой пропагандой (сопоставимой разве что с токсичной медиасредой наиболее одиозных режимов типа Ирана, ХАМАС или КНДР), где процветает культ силы, презрение к меньшинствам, неуважение к человеческой жизни, где агрессия разлита в воздухе, подобные идеи резонируют с тем устойчивым социально-психологическим состоянием, в котором находится современное российское общество. Оно характеризуется цинизмом, основанным на глубоком недоверии к социальным институтам, официальным лозунгам и мотивам окружающих людей – от родных и соседей до политиков и лидеров общественного мнения. Цинизм этот

вырастает из объективных социальных факторов: атомизации общества, политической индифферентности, идеологического двоемыслия, культа личного выживания, крайне низкого уровня эмпатии и чувствительности к насилию, роста депрессии и выгорания, порождаемых ощущением несправедливости, бессилия, тотальной и демонстративной лжи. Отсюда же произрастает и конспирология, столь распространенная в этой среде.

На социальном уровне цинизм вырастает из взаимодействия личности со средой. Но в каждом конкретном случае – а мы сталкиваемся именно с такими персональными случаями, когда речь заходит о наших близких, друзьях и коллегах, – цинизм предстает не как социальная, но как персональная психологическая установка, черта мировоззрения и отношения к жизни, которая порождается глубоким неверием в искренность, добропорядочность и бескорыстие людей и, напротив, заставляет видеть все в негативе, усматривая за каждым поступком эгоизм, личную выгоду или тщеславие. Именно из этих ингредиентов варится культура ресентимента. Да, социальная среда может изменить мировоззренческие установки. Но сами эти установки требуют наличия (или отсутствия) определенных психологических черт личности (подозрительность, предвзятость, тревожность, эгоцентризм), некоторой предрасположенности (которая может быть продуктом как воспитания, особенностей социализации, так и врожденных свойств, таких, как темперамент или психотип). И если черты вашей личности находятся на прямо противоположном полюсе, мировоззренческий конфликт практически неизбежен. Это часто даже не вопрос выбора, но просто неизбежное противостояние.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Убить жертву. Евгений Добренко – об экономике виктимности

Наблюдая случай brutalного ("пацанского") извода социального дарвинизма, знаменосцем которого в современном мире стала Россия, можно обратить внимание на то, что родившиеся в противоположной точке мира, на крайнем Западе, в Кремниевой долине, проповедуемые политиками и технократами крайне правого толка антиэгалитарные и антидемократические идеи правого либертарианства и так называемого "Темного просвещения" также сводятся к социальному дарвинизму. Однако если постараться найти психологические основания подобных идей, мы увидим, что они не имеют ничего общего с российским случаем: техно-правые далеки от ресентимента. Напротив, в отличие от отсталой России, срывающей один модернизационный рывок за другим, они

продвигают идеи радикального технооптимизма и акселерационизма, скорее похожего на современный извод футуристического фашизма и культа модерности столетней давности. Их идеи корпоративного государства и элитистской технократии напоминают воскрешение классических антиутопий Замятина-Оруэла-Хаксли-Брэдбери. В их основе лежит безудержный утопизм, вряд ли отвечающий социальному профилю сегодняшнего стареющего и впадающего в декадентское разложение Запада. Вот почему, несмотря на колоссальные ресурсы, политическое влияние и щедрое политическое спонсорство, реализация этих проектов кажется весьма далекой от реальности.

Политика для того, чтобы обрести социальную базу (а без нее она в Новое время существовать не может), должна не только отвечать их интересам, но и, как говорили в советской программе "Время", "находить отклик в сердцах миллионов простых людей". Последнее в переводе с возвышенного языка идеологии означает, что она должна соответствовать неким глубинным переживаниям критической массы населения. Эта критическая масса нередко идет за такой политикой даже вопреки собственным интересам. Это не иррациональность, как принято думать, но доминанта, которую многие политики не берут в расчет. Сегодня мы видим, что в основе политики лежат далеко не только интересы, но идеологии, системы ценностей, цивилизационные картины мира, основанные на религиях и, в конце концов, на психологии. Правые и левые, либералы и популисты в конечном счете имеют дело с массовым сознанием, политическая логика которого определяется психологией больше, чем экономическими интересами.

Если что XX и XXI века и продемонстрировали со всей очевидностью, так это то, что радикально левая политическая парадигма не только своими политическими практиками, но даже структурно ничем не отличается от радикально правой, и альтернатива из нее никакая. При всей несхожести их идеологических картин и стоящих за ними массовых психотипов, каким-то невероятным образом самая освободительная идеология трансформируется в ханжескую, морализирующую, основанную на предрассудках и запретах антилиберальную политическую систему. В XX веке через это прошел марксизм, из революционного, освободительного, антирепрессивного, научно-рационального, просветительского движения превратившись в репрессивный, насильственный, глубоко антимодерный, основанный на отвратительной пропаганде, утопизме и догматике насильственный "марксизм-ленинизм". Прошло три десятилетия после его обрушения, и за эти годы сформировался новый извод прогрессизма – woke – морализирующий, основанный на разделении и натравливании одних социальных групп на другие, на конвейерном производстве "жертв", на цензуре и манипуляции массовым сознанием, иррационализме и невежестве, запугивании несогласных и навешивании политических ярлыков, питающийся иллюзиями и

маниловщиной. Ясно, что психологическим основанием этой политической философии является все та же культура ressentiment.

Так может быть, правильно говорят, что политику не следует обсуждать? В Новое время, когда политическую субъектность получили ранее бессубъектные подданные, отношение людей к ней превратилось в определяющий фактор социального поведения, а принимаемая людьми политическая аффилиация настолько интернализировалась, что переворачивает их моральное чувство, – процесс, остающийся за пределами их сознания. Само это моральное чувство должно быть созвучным их базовым психологическим чертам: один человек эмпатичен, другой жестокосерден; один альтруист, другой эгоист; один сентиментален, другой черств; один эмоционален, другой сдержан и т.д.

Казалось бы, что заставляет сторонников и противников смертной казни или абортов спорить до хрипоты, а нередко и прибегать к насилию? Можно определенно утверждать, что едва ли кого-либо из них или их близких лично коснется тема смертной казни. Сражаются они не из-за законов, но из-за того, что в глазах аболиционистов сторонники смертной казни лишены милосердия. Здесь языком политики говорит плохо приспособленный к правоприменению язык морали, когда в ход идут рациональные аргументы о риске казни невиновных, об отсутствии эффекта сдерживания, о том, что лишение жизни государством противоречит принципу ценности человеческой жизни и опасно для демократии, о росте жестокости в обществе, о предвзятости и дискриминации, об исключении шанса на исправление и многом другом. Аргументация противников абортов не менее высокоморальна. Здесь и утверждение тезиса о том, что человеческая жизнь начинается с момента зачатия, а эмбрион или плод обладает неотъемлемым правом на жизнь как полноценный человек с уникальным генетическим кодом. Сюда добавляются религиозные и моральные принципы, и эмпатия (физические страдания плода), и социальные факторы (ответственность за зачатие), и психологические последствия для женщины.

“ Как только в ход идут моральные аргументы, можно быть уверенным: в них упакованы базовые психологические свойства и установки людей

Эта агрессивная морализация политики обычно рассматривается как некое замутнение чистоты политической картины. В действительности же мораль и якобы реализующая ее политика – это конструкторы, призванные универсализировать наши персональные социально-психологические черты.

Морализирующая политика настолько целостно охватывает нашу картину мира, что мешает понять: и она сама, и стоящие за ней моральные установки – не более чем производные от нашей

психологии. Есть соблазн назвать сторонников смертной казни и аборт жестокими, и напротив, противников смертной казни и абортов – милосердными. Но стоит вспомнить, что среди противников смертной казни (людей в основном левых взглядов) большинство является сторонниками абортов, и, наоборот, что среди противников абортов (людей в основном правых взглядов) большинство является сторонниками смертной казни, чтобы осознать иронию ситуации, в которой одни и те же люди, исповедующие противоположные политические философии, выступают практически с одинаковых позиций в вопросе о жизни и смерти. Это все, что нужно знать об удельном весе морали в политике. Как только в ход идут моральные аргументы, можно быть уверенным: в них упакованы базовые психологические свойства и установки людей. И почти ничего больше.

Что нам Гекуба? Почему дети разрывают связи с родителями, братья и сестры друг с другом, а близкие, родные и друзья детства превращаются в заклятых врагов? Нет, не из-за цвета флага, не из-за принадлежности территорий и не из-за отношения к президенту, а потому, что за каждым из этих политических факторов стоят либо близкие, либо совершенно неприемлемые для них установки. И в тот момент, когда человек понимает, что он не может идентифицировать себя с ментальностью и социальным поведением бандита, гопника, убийцы, наступает отторжение, которое выливается в ссору и разрыв. Та пандемия разрывов социальных связей, которую мы наблюдаем на протяжении последних лет в семьях, коллективах и в межличностных отношениях, является верным индикатором распада социальной ткани, воспроизводящего на микроуровне последствия радикальной политики, которая, в свою очередь, лишь оформляет эту межличностную несовместимость на макроуровне. И конца этой спирали социального распада пока не видно.

Евгений Добренко – филолог, культуролог, профессор Венецианского университета

Высказанные в рубрике "Право автора" мнения могут не отражать точку зрения редакции

Этот контент также в категориях

Право автора

Мнения